

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Свадьба Сен-Люка

В последнее воскресенье Масленицы 1578 года, после народного гулянья, когда на парижских улицах затихало шумное дневное веселье, в роскошном дворце, только что возведенном на берегу Сены, почти напротив Лувра, для прославленного семейства Монморанси, которое, породнившись с королевским домом, по образу жизни не уступало принцам, начиналось пышное празднество. Сие семейное торжество, следовавшее за общественными увеселениями, было устроено по случаю бракосочетания Франсуа д'Эпина де Сен-Люка, наперсника и любимца короля Генриха III, с Жанной де Коссе-Бриссак, дочерью маршала де Коссе-Бриссака.

Свадебный обед был дан в Лувре, и король, который с величайшей неохотой согласился на этот брак, явился к столу с мрачным выражением лица, совершенно неподобающим для такого случая. Да и наряд короля находился в полном соответствии с его лицом: Генрих был облачен в темно-коричневый костюм, тот самый, в котором его написал Клуэ на картине, изображающей свадьбу Жуаеза. При виде этого угрюмого величия, этого короля, похожего на свой собственный призрак, гости цепенели от страха, и особенно сильно сжималось сердце у юной новобрачной, на которую король всякий раз, когда он достаивал ее взгляда, взирал с явным неодобрением.

Однако насупленные в разгаре брачного пира брови короля, казалось, ни у кого не вызывали удивления; все знали, что причина кроется в одной из тех дворцовых тайн, что лучше обходить стороной, как подводные рифы, столкновение с которыми грозит неминуемым кораблекрушением.

Едва дождавшись окончания обеда, король порывисто вскочил, и всем гостям волей-неволей пришлось последовать его примеру; поднялись даже те, кто шепотом высказывал желание еще побыть за пиршественным столом.

Тогда Сен-Люк, долгим взглядом посмотрев в глаза жены, словно желая почерпнуть в них мужество, приблизился к своему господину.

— Государь, — сказал он, — не соблаговолит ли ваше величество послушать нынче вечером скрипки и украсить своим присутствием бал, который я хочу дать в вашу честь во дворце Монморанси?

Генрих III повернулся к новобрачному со смешанным чувством гнева и досады, но Сен-Люк склонился перед ним так низко, на лице его было написано такое смирение, а в голосе звучала такая мольба, что король смягчился.

— Да, сударь, — ответил он, — мы приедем, хотя вы совсем не заслуживаете подобного доказательства нашей благосклонности.

Тогда бывшая девица де Бриссак, отныне госпожа де Сен-Люк, почтительно поблагодарила короля, но Генрих повернулся к новобрачной спиной, не пожелав ей ответить.

— Чем вы провинились перед королем, господин де Сен-Люк? — спросила Жанна у своего мужа.

— Моя дорогая, я все расскажу вам потом, когда эта грозная туча рассеется.

— А она рассеется?

— Должна, — ответил Сен-Люк.

Новобрачная еще не освоилась с положением законной супруги и не решилась настаивать; она запрятала любопытство в глубокие тайники сердца и дала себе слово продолжить разговор в другую, более благоприятную минуту, когда она сможет продиктовать свои условия Сен-Люку, не опасаясь, что он их отвергнет.

Итак, в тот вечер, когда начинается история, которой мы намерены поделиться с нашими читателями, во дворце Монморанси ожидали прибытия Генриха III. Но пробило уже одиннадцать часов, а короля все еще не было.

Сен-Люк пригласил на бал всех, кто числился в его друзьях или в друзьях короля. Кроме того, он разослал

приглашения принцам и фаворитам принцев, начиная с приближенных нашего старого знакомого, герцога Алансонского, которого восшествие на королевский престол Генриха III сделало герцогом Анжуйским. Но герцог не считал нужным появиться на свадебном обеде в Лувре и, по всей видимости, не собирался присутствовать на свадебном балу во дворце Монморанси.

Короля Наваррского и его супруги в Париже не было, они, как это известно читателям нашего предыдущего романа, спаслись бегством в Беарн и там возглавили войска гугенотов, оказывавшие открытое сопротивление королю.

Герцог Анжуйский, по своему всегдашнему обыкновению, тоже ходил в недовольных, но недовольство его было скрытым и незаметным; герцог неизменно старался держаться в задних рядах, выталкивая вперед тех дворян из своего окружения, кого не отрезвила ужасная судьба Ла Моля и де Коконнаса, чья казнь, несомненно, еще жива в памяти наших читателей.

Само собой разумеется, приверженцы герцога и сторонники короля пребывали в состоянии дурного мира: не менее двух-трех раз в месяц между ними завязывались дуэли, и только в редчайших случаях дело обходилось без убитых или по меньшей мере без тяжелораненых.

Что до Екатерины Медичи, то самое заветное желание королевы-матери исполнилось — ее любимый сын достиг трона, о котором она так мечтала для него, а вернее сказать, для самой себя; теперь она царствовала, прикрываясь его именем, всем своим видом и поведением выказывая, что в сем брэнном мире занята только заботами о своем здоровье и ничто другое ее не беспокоит.

Сен-Люк, встревоженный не сулящим ничего доброго отсутствием короля и принцев, пытался успокоить своего тестя, который по той же причине был огорчен до глубины души. Убежденный, как, впрочем, и весь двор, в том, что короля Генриха и Сен-Люка связывают тесные дружеские узы, маршал рассчитывал породниться с источником благоденствий, и — вот тебе на! — все вышло наоборот: его дочь сочеталась браком с ходячим воплощением королевской немилости. Сен-Люк всячески пытался вну-

шить старику уверенность, которой сам не испытывал, а его друзья — Можирон, Шомберг и Келюс, разодетые в пух и прах, неестественно прямые в своих великолепных камзолах, с огромными брыжами, на которых голова покоилась как на блюде, шуточками и ироническими соболезнованиями лишь подливали масла в огонь.

— Э! Бог мой! Наш бедный друг, — соболезновал Сен-Люку Жак де Леви, граф де Келюс, — я полагаю, на этот раз ты действительно пропал. Король на тебя сердится потому, что ты пренебрег его советами, а герцог Анжуйский — потому, что ты не выказал должного почтения к его носу¹.

— Ну нет, — возразил Сен-Люк, — ошибаешься, Келюс, король не пришел потому, что отправился на богомолье в Мининский монастырь, что в Венсенском лесу, а герцог Анжуйский — потому, что влюбился в какую-нибудь даму, которую я, как на грех, обошел приглашением.

— Рассказывай, — возразил Можирон. — Видел, какую мину скорчил король на обеде? А ведь у человека, который раздумывает, не взять ли ему посох да и не пойти ли на богомолье, и выражение лица бывает умиленное. Ну а герцог Анжуйский? Пусть ему помешали прийти какие-то личные дела, как ты утверждаешь, но куда же делась его анжуйцы, где хотя бы один из них? Оглянись вокруг — полнейшая пустота, даже бахвал Бюсси не соизволил явиться.

— Ах, господа, — сказал маршал де Бриссак, сокрушенно качая головой, — как все это смахивает на опалу. Господи боже мой! Неужто его величество разгневался на наш дом, всегда такой преданный короне?

И старый царедворец скорбно воздел руки горе.

Молодые люди смотрели на Сен-Люка, заливаясь смехом. Их веселое настроение отнюдь не успокаивало старого маршала, а лишь усугубляло его отчаяние.

Юная новобрачная, задумчивая и сосредоточенная, мучилась тем же вопросом, что и ее отец, — чем мог Сен-Люк прогневать короля?

---

¹ Лицо герцога Анжуйского было обезображено оспой, казалось, что на этом лице два носа. — *Прим. автора.*

Сам Сен-Люк, конечно, знал, в чем он провинился, именно потому он и волновался больше всех.

Вдруг у одной из дверей залы возвестили о прибытии короля.

— Ах! — воскликнул просиявший маршал. — Теперь мне уже ничего не страшно; для полного счастья мне не хватает только услышать о прибытии герцога Анжуйского.

— А меня, — пробормотал Сен-Люк, — присутствие короля пугает больше, чем его отсутствие; он явился сюда неспроста, наверное, хочет сыграть со мной злую шутку, и герцог Анжуйский не счел нужным явиться по той же причине.

Эти невеселые мысли не помешали Сен-Люку со всех ног устремиться навстречу своему повелителю, который наконец-то расстался с мрачным коричневым одеянием и вступал в залу в колыхании перьев, блеске шелков, сиянии брильянтов.

Но в тот самый миг, когда в одной из дверей появился король Генрих III, в противоположной двери возник другой король Генрих III — полное подобие первого, точно так же одетый, обутый, причесанный, завитой, набеленный и нарумяненный. И придворные, толпой бросившиеся было навстречу первому королю, вдруг остановились, как волна, встретившая на своем пути опору моста, и, закрутившись водоворотом, отхлынули к двери, в которую вошел королевский двойник.

Перед глазами Генриха III замелькали разинутые рты, разбегающиеся глаза, фигуры, совершавшие пируэты на одной ноге.

— Что все это значит, господа? — спросил король.

Ответом был громкий взрыв хохота.

Король, вспылчивый по натуре и в эту минуту особенно не расположенный к кротости, нахмурился, но тут сквозь толпу гостей к нему пробрался Сен-Люк.

— Государь, — сказал Сен-Люк, — там Шико, ваш шут. Он оделся точно так же, как ваше величество, и сейчас жалуется дамам руку для поцелуя.

Генрих III рассмеялся. Шико пользовался при дворе последнего Валуа свободой, равной той, которой был удостоен за тридцать лет до него Трибуле при дворе Фран-

циска I, и той, которая будет предоставлена сорок лет спустя Ланжели при дворе короля Людовика XIII.

Дело в том, что Шико был необычный шут. Прежде чем зваться Шико, он звался де Шико. Простой гасконский дворянин, он не только дерзнул вступить в любовное соревнование с герцогом Майеннским, но и не постеснялся взять верх над этим принцем крови, за что герцог, как говорили, учинил над ним расправу, и Шико пришлось искать убежища у Генриха III. За покровительство, оказанное ему преемником Карла IX, он расплачивался тем, что говорил королю правду, как бы горька она ни была.

— Послушайте, мэтр Шико, — сказал Генрих, — два короля на одном балу — слишком большая честь для хозяина.

— Коли так, то дозвожь мне сыграть роль короля, как сумею, а сам попробуй изобразить герцога Анжуйского. Может, тебя и в самом деле примут за него, и ты услышишь что-нибудь любопытное или даже узнаешь, пусть не то, что твой братец замышляет, но хотя бы чем он занят сейчас.

— И в самом деле, — сказал король с явным неудовольствием, — мой брат, герцог Анжуйский, отсутствует.

— Еще одна причина, почему ты должен его заменить. Решено, я буду Генрихом, а ты — Франсуа, я буду царствовать, а ты — танцевать, я выложу весь набор ужимок, подходящих королевскому величию, а ты малость поразвлечешься, бедный король.

Взгляд короля остановился на Сен-Люке.

— Ты прав, Шико. Я займусь танцами, — сказал он.

«Как я ошибался, опасаясь королевского гнева, — подумал маршал де Бриссак. — Совсем наоборот, король в редкостном расположении духа».

И он засуетился, расточая комплименты всем гостям без разбору, налево и направо, а главное, не забывая при этом похвалить и себя за то, что ему удалось подыскать дочери супруга, столь щедро осыпанного милостями его величества.

Тем временем Сен-Люк подошел к своей жене. Жанна де Бриссак не была писаной красавицей, однако она обладала прелестными черными глазками, белоснежны-

ми зубками, ослепительным цветом лица, то есть всем тем, что в совокупности принято называть очаровательной внешностью.

— Сударь, — обратилась она к мужу, поглощенная все той же мыслью, — объясните мне, чего от меня хочет король? С тех пор как он здесь, он не перестает мне улыбаться.

— Но когда мы возвращались с обеда, вы говорили совсем другое, милая Жанна. Тогда его взгляд пугал вас.

— Тогда его величество был в дурном настроении, — сказала молодая женщина, — ну а теперь...

— Теперь еще хуже, — прервал ее Сен-Люк. — Король смеется, не разжимая губ. Я предпочел бы видеть его зубы. Жанна, бедняжка моя, король приготовил для нас какой-то подлый сюрприз. О, не глядите на меня так нежно, умоляю вас, лучше всего повернитесь ко мне спиной! Смотрите, к нам весьма кстати приближается Можирон. Удержите его возле себя, приголубьте, приласкайте его.

— Знаете, сударь, — улыбнулась Жанна, — вы даете мне довольно сомнительный совет, и если я в точности ему последую, могут подумать...

— Ах! — вздохнул Сен-Люк. — Ну и пусть подумают. Просто прекрасно будет, если подумают.

И, повернувшись спиной к своей донельзя удивленной супруге, он отправился убажывать Шико, который увлеченно пыжился, изображая короля, и своими гримасами вызывал всеобщее веселье.

Тем временем Генрих, пользуясь дарованной ему свободой от королевского величия, танцевал, но, танцуя, не терял из виду Сен-Люка: то подзывал его к себе и делился пришедшей в голову остротой, которая всякий раз, независимо от того, удалась она или нет, вызывала у новобрачного приступ громкого смеха, то угощал его из своей бонбоньерки засахаренным миндалем и глазированными фруктами, которые Сен-Люк неизменно находил превосходными. Стоило Сен-Люку на минуту отлучиться из той залы, где был король, хотя бы с намерением поприветствовать гостей в других залах, как Генрих тут же отражал за ним одного из своих родственников или

придворных, и сияющий улыбками новобрачный возвращался к своему повелителю, а король, увидев своего любимца, обретал превосходное расположение духа.

Внезапно королевских ушей достиг шум настолько сильный, что его не могла заглушить общая сумятица звуков.

— Эге! — сказал Генрих. — Кажется, это голос Шико. Ты слышишь, Сен-Люк? Король изволит гневаться.

— Да, государь, — отозвался Сен-Люк, не показывая вида, что уразумел намек, содержащийся в этих словах, — похоже, что он с кем-то не поладил.

— Подите узнайте, что там случилось, — распорядился король, — и немедленно доложите мне.

Сен-Люк отправился выполнять приказ.

И в самом деле, Шико громко кричал, в подражание королю выговаривая слова в нос:

— Я навывускал кучу указов против расточительства, если их мало, я выпущу новые и буду их множить и множить, пока они не возымеют своего действия. Коли они недостаточно хороши, пусть их, по крайней мере, будет много. Клянусь рогом Вельзевула, моего кузена, шесть пажей, господин де Бюсси, — это слишком.

И Шико надул щеки, широко расставил ноги и подбоченился, добившись полного сходства с королем.

— Что он там болтает о Бюсси? — нахмурясь, спросил король.

Уже вернувшийся Сен-Люк хотел было ответить, но тут толпа расступилась и открыла их взорам шестерых пажей, одетых в камзолы из золотой парчи и увешанных ожерельями; на груди у каждого пажа всеми цветами радуги сиял герб его господина, вышитый драгоценными камнями. За пажами выступал красивый молодой мужчина, он высоко нес свою гордую голову и шествовал, презрительно вздернув верхнюю губу и бросая по сторонам надменные взоры. Его простая одежда из черного бархата разительно отличалась от богатых костюмов пажей.

— Бюсси! — раздались голоса. — Бюсси д'Амбуаз! — И толпа, хлынувшая навстречу вновь прибывшему, появление которого вызвало в зале такой переполох, расступилась, давая ему проход.

Можирон, Шомберг и Келюс окружили короля, словно желая защитить его от опасности.

— Ах вот как, слуга здесь, а хозяина что-то не видать, — сказал Можирон, намекая на неожиданное появление Бюсси и на отсутствие герцога Анжуйского, к свите которого тот принадлежал.

— Подождем, — заметил Келюс, — перед слугой идут его собственные слуги, а главный хозяин, может быть, появится после хозяина шести первых слуг.

— Тут есть о чем тебе поразмыслить, Сен-Люк, — вмешался Шомберг, самый молодой, а посему и самый дерзкий миньон короля Генриха. — Ты заметил, что господин де Бюсси не слишком-то почтителен по отношению к тебе? Видишь — на нем черный камзол. Какого черта! Разве это наряд для свадебного бала?

— Нет, — заметил Келюс, — это траур для похорон.

— Ах, уж не его ли это похороны и не надел ли он траур по самому себе? — пробормотал Генрих.

— И при всем том, Сен-Люк, — сказал Можирон, — герцог Анжуйский не последовал за Бюсси. Неужели ты и тут попал в немилость?

Это многозначительное «и тут» кольнуло новобрачного в самое сердце.

— Ну а почему, собственно, он обязан следовать за Бюсси? — подхватил Келюс. — Неужто вы позабыли: когда его величество оказал честь господину де Бюсси и обратился к нему с вопросом, не пожелает ли он принадлежать к людям короля, то Бюсси ответил, что, уже принадлежа к дому Клермонов, он не испытывает необходимости принадлежать кому-то еще и вполне довольствуется возможностью быть хозяином самому себе, ибо уверен, что в собственной персоне обретет самого лучшего принца из всех существующих на свете.

Король сдвинул брови и закусил ус.

— И несмотря на это, — сказал Можирон, — как мне кажется, Бюсси все же поступил в свиту герцога Анжуйского.

— Ну и что же, — флегматично парировал Келюс, — значит, он счел, что герцог посильнее нашего короля.

Это замечание до глубины души задело Генриха, который всю свою жизнь по-братски ненавидел герцога Анжуйского. Поэтому, хотя король не произнес ни слова, он заметно для всех побледнел.

— Ну-ну, господа, — попытался утихомирить разгорающиеся страсти дрожащий от волнения Сен-Люк, — пощадите хоть немного моих гостей. Не портите мне день свадьбы.

Эта мольба, по-видимому, направила мысли Генриха в другое русло.

— В самом деле, не будем портить Сен-Люку день его свадьбы, господа, — сказал он, покручивая усы с лукавым видом, который не ускользнул от бедного новобрачного.

— Так что же выходит, — воскликнул Шомберг, — Бюсси нынче в союзе с Бриссаками?

— Откуда ты это взял? — спросил Можирон.

— Оттуда, что Сен-Люк стоит за него горой. Черт побери! В этом презренном мире каждый стоит только сам за себя. Я не солгу, сказав, что у нас защищают только своих родных, союзников и друзей.

— Господа, — возразил Сен-Люк, — господин де Бюсси мне не союзник, не друг, не родственник: он мой гость.

Услышав эти слова, король бросил на говорившего злобный взгляд.

— И кроме того, — поторопился исправить свой промах несчастный Сен-Люк, сраженный королевским взором, — я вовсе не собираюсь его защищать.

Бюсси, предшествуемый шестеркой пажей, с достоинством приближался к королю, намереваясь его приветствовать, но тут Шико, не стерпев, что кому-то отдают предпочтение перед его особой, закричал:

— Эй, ты, там! Бюсси! Бюсси д'Амбуаз! Луи де Клермон! Граф де Бюсси! Тебя, видать, не докличешься, пока не перечислишь всех твоих титулов. Неужто ты не видишь, где настоящий Генрих, неужто не можешь отличить короля от дурака? Тот, к которому ты так важно вышагиваешь, это Шико, мой дурак, мой шут. Он порой вытворит такие лихие дурачества, что я со смеху помираю.

Однако Бюсси невозмутимо продолжал свой путь и, поравнявшись с Генрихом, уже хотел было склониться перед ним в поклоне, но тут король сказал:

— Разве вы не слышите, господин де Бюсси? Вас зовут.

И под громкий хохот миньонов повернулся спиной к молодому человеку.

Бюсси покраснел от гнева, но тут же взял себя в руки. Он сделал вид, будто принимает всерьез слова короля, и, словно не слыша шуточек Келюса, Шомберга и Можирона и не видя их наглых усмешек, обратился к Шико.

— Ах, простите, государь, — сказал он. — Иные короли так похожи на шутов, что ошибиться весьма нетрудно. Я надеюсь, вы извините меня за то, что я принял вашего шута за короля.

— Что такое? — протянул Генрих, поворачиваясь к Бюсси. — Что он сказал?

— Ничего, государь, — поспешил отозваться Сен-Люк, которому, по-видимому, небеса предназначили весь этот вечер быть миротворцем, — ничего, ровным счетом ничего.

— Нет, мэтр Бюсси, — изрек Шико, поднявшись на носки и надув щеки, как это делал король, желая придать себе величественный вид, — ваше поведение непростительно.

— Прошу извинить меня, государь, — смиренно молил Бюсси, — я задумался.

— О чем? Небось о своих пажах, сударь? — раздраженно спросил Шико. — Да, вы разоритесь на этих мальчишках, и, клянусь смертью Христовой, вы явно покушаетесь на наши королевские привилегии.

— Но каким образом? — почтительно осведомился Бюсси; он понимал, что, позволив шуту занять свое место, король поставил самого себя в смешное положение. — Прошу ваше величество объяснить, и если я действительно допустил ошибку, ну что ж, я признаюсь в этом со всем смирением.

— Рядите в золотую парчу всякий сброд, — и Шико ткнул пальцем в пажей, — а вы, вы — дворянин, полков-

ник, отпрыск Клермонов, почти принц, наконец, вы являетесь на бал в простом черном бархате.

— Государь, — громко сказал Бюсси, поворачиваясь к миньонам короля, — я поступаю так потому, что в наше время всякий сброд наряжается как принцы, и хороший вкус требует от принцев, чтобы они отличали себя, одеваясь как всякий сброд.

И он вернул молодым миньонам, утопающим в блеске драгоценностей, усмешку не менее презрительную, чем те, которыми они награждали его минуту тому назад.

Генрих посмотрел на своих любимцев, побледневших от ярости; казалось, скажи он только слово, и они бросятся на Бюсси. Келюс, который больше других был зол на Бюсси и давно бы схватился с ним, не запрети ему этого король, положил руку на эфес шпаги.

— Уж не намекаете ли вы на меня и на моих людей? — воскликнул Шико. Узурпировав место короля, он произнес те слова, которые подобало бы произнести Генриху.

Но при этом шут встал в напыщенную героическую позу капитана Матамора и был настолько смешон, что половина зала разразилась хохотом. Другая половина молчала по очень простой причине: те, кто смеялся, смеялись над теми, кто хранил серьезный вид.

Трое друзей Бюсси, почуяв назревавшую стычку, сплотились вокруг него. Это были Шарль Бальзак д'Антрагэ — более известный под именем Антрагэ, Франсуа д'Оди, виконт де Рибейрак, и Ливаро.

Увидев такую подготовку к враждебным действиям, Сен-Люк догадался, что Бюсси пришел по поручению герцога с целью учинить скандал или бросить кому-нибудь вызов. При этой мысли Сен-Люк вздрогнул, он почувствовал себя зажатым между двумя могущественными и распаленными гневом противниками, избравшими его дом полем сражения.

Несчастный новобранный поспешил к Келюсу, возбужденный вид которого бросался всем в глаза, положил руку на его пальцы, сжимавшие эфес шпаги, и обратился к нему со словами увещевания:

— Бога ради, дружище, уймись. Подожди, наш час еще придет.

— Проклятие! Уймись ты сам, если можешь! — закричал Келюс. — Ведь пощечина этого наглеца задела тебя не меньше, чем меня. Кто оскорбил одного из нас, оскорбил всех нас, а кто оскорбил всех нас, оскорбил короля.

— Келюс, Келюс, — не отставал Сен-Люк, — подумай о герцоге Анжуйском, это он стоит за спиной Бюсси. Правда, его здесь нет, но тем более нам надо быть настороже, он невидим, но тем он опаснее. Надеюсь, ты не оскорбишь меня подозрением, что мне страшен слуга, а не господин?

— Дьявольщина! Да кто может быть страшен людям французского короля? Если мы подвергнемся опасности, сражаясь за короля, то король сумеет оборонить нас.

— Тебя — да, но не меня, — жалобно сказал Сен-Люк.

— Ах, пропади ты пропадом! И какого дьявола ты вздумал жениться?! Ведь ты знаешь, как ревнует король своих друзей.

«Ладно, — подумал Сен-Люк, — раз уж каждый стоит только за себя, то не будем и мы о себе забывать. Я хочу прожить спокойно хотя бы первые две недели после свадьбы, а для этого мне надо задобрить герцога Анжуйского».

И с такими мыслями он оставил Келюса и направился к Бюсси.

После своих дерзких слов Бюсси стоял с гордо поднятой головой и обводил взглядом присутствующих. Он весь ушел в слух, надеясь в ответ на брошенные им оскорбления уловить какую-нибудь дерзость по своему адресу. Но никто на него не смотрел, все хранили упорное молчание: одни опасались вызвать неодобрение короля, другие — неодобрение Бюсси.

Последний, увидев приближающегося к нему Сен-Люка, решил, что наконец-то добился своего.

— Сударь, — обратился он к хозяину дома, — по-видимому, вы желаете побеседовать со мной, и, наверное,

я обязан этой честью тем словам, которые я только что произнес?

— Словам, которые вы только что произнесли? — с самым простодушным видом переспросил Сен-Люк. — А что, собственно, вы произнесли? Я ничего не слышал, уверяю вас. Я просто увидел вас и обрадовался, что могу доставить себе удовольствие приветствовать столь высокого гостя и поблагодарить его за честь, оказанную моему дому.

Бюсси был человеком незаурядным во всех отношениях: смелым до безрассудства, но в то же время образованным, остроумным и прекрасно воспитанным. Зная несомненное мужество Сен-Люка, он понял, что долг гостеприимства одержал в нем верх над утонченной щепетильностью придворного. Всякому другому Бюсси не преминул бы слово в слово повторить сказанную им фразу, то есть бросить вызов в лицо, но, обезоруженный дружелюбием Сен-Люка, он отвесил ему вежливый поклон и произнес несколько любезностей.

— Эге! — сказал Генрих, увидев, что Сен-Люк разговаривает с Бюсси. — Мне кажется, мой петушок уже прокукарекал капитану. Правильно сделал, но я не хочу, чтобы его убили. Пойдите, Келюс, узнайте, в чем там дело. Впрочем, нет, у вас слишком горячий нрав. Пойдите лучше вы, Можирон.

— Что ты сказал этому фату? — спросил король, когда Сен-Люк вернулся.

— Я, государь?

— Ну да, ты.

— Я пожелал ему доброго вечера.

— Вот как! И это все? — сердито буркнул король.

Сен-Люк понял, что сделал неверный шаг.

— Я пожелал ему доброго вечера, — продолжал он, — а потом сказал, что завтра поутру буду иметь удовольствие пожелать ему доброго утра.

— Хорошо. А я было усомнился в твоей смелости, удалец.

— Но, ваше королевское величество, окажите мне милость сохранить это в тайне, — подчеркнуто тихим голосом попросил Сен-Люк.

— Черт побери! Само собой, я не собираюсь тебе мешать. Хорошо бы ты избавил меня от него, но сам при этом не поцарапался.

Миньоны обменялись между собой быстрыми взглядами, но Генрих III сделал вид, что ничего не заметил.

— Ибо в конце концов, — продолжал он, — этот наглец стал совершенно невыносим.

— Да-да, — сказал Сен-Люк. — Но будьте спокойны, государь, рано или поздно на него найдется управа.

— Гм, — недоверчиво хмыкнул король, покачивая головой, — шпагой он владеет мастерски. Хорошо бы его покусала бешеная собака. Так бы мы от него отделались без всяких трудов.

И он бросил косой взгляд на Бюсси, который разгуливал по залу в сопровождении трех своих друзей, толкая или высмеивая всех, кого он считал врагами герцога Анжуйского, — само собой разумеется, что эти люди были сторонниками короля.

— Черт побери, — закричал Шико, — не смейте обижать моих любимчиков, мэтр Бюсси, а не то будь я хоть король-раскороль, но я обнажу шпагу не хуже любого шута.

— Ах, мошенник, — пробормотал Генрих, — даю слово, он прав.

— Если Шико будет продолжать свои шуточки в том же духе, я его поколочу, государь, — сказал Можирон.

— Не суйся, куда тебя не спрашивают, Можирон. Шико дворянин и весьма щепетилен в вопросах чести. К тому же колотушек заслуживает вовсе не он, здесь он отнюдь не из самых дерзких.

На этот раз намек был ясен; Келюс сделал знак д'О и д'Эпернону, которые блистали в других углах зала и не были свидетелями выходки Бюсси.

— Господа, — начал Келюс, отведя своих друзей в сторону, — давайте посоветуемся. Ну а ты, Сен-Люк, иди беседуй с королем и продолжай свое дело миротворца, по моему, ты в нем весьма преуспел.

Сен-Люк счел это предложение разумным и отошел к королю, который о чем-то горячо спорил с Шико. Келюс увлек четырех миньонов в оконную нишу.

— Ну послушаем, зачем ты нас созвал, — сказал д'Эпернон. — Я там волочился за женой Жуаеза и предупреждаю: если ты не сообщишь что-нибудь по-настоящему важное, я тебя никогда не прощу.

— Я хочу вас предупредить, господа, — обратился Келюс к своим товарищам, — что сразу же после бала я отправляюсь на охоту.

— Отлично, — сказал д'О, — а на какого зверя?

— На кабана.

— Что это тебе взбрело в голову? Ехать охотиться в такой собачий холод! И для чего? Чтоб тебе же выпустили кишки в каком-нибудь перелеске?

— Ну и пусть! Все равно я еду.

— Один?

— Нет, с Можироном и Шомбергом. Мы будем охотиться для короля.

— А-а! Понятно, — в один голос сказали Можирон и Шомберг.

— Король изъявил желание видеть завтра на своем обеденном столе кабанью голову.

— С отложным воротником по-итальянски, — сказал Можирон, намекая на простой отложной воротничок, который носил Бюсси, в отличие от пышных брыжей миньонов.

— Так-так, — подхватил д'Эпернон. — Идет. Я участвую в деле.

— Но что случилось? — спросил д'О. — Объясните мне, я все еще ни черта не понимаю.

— Э, да оглянись вокруг, мой милый.

— Ну, оглянулся.

— Разве ты не видишь наглеца, который смеется тебе в лицо?

— Бюсси, что ли?

— Ты угадал. А не кажется ли тебе, что это и есть тот самый кабан, чья голова порадовала бы короля?

— Ты уверен, что король... — начал д'О.

— Вполне уверен, — прервал его Келюс.

— Тогда пусть будет так. На охоту! Но как мы будем охотиться?

— Устроим засаду. Засада всего надежнее.

Бюсси издали заметил, что миньоны о чем-то совещаются, и, не сомневаясь, что речь идет о нем, направился к своим противникам, на ходу перебрасываясь шуточками с друзьями.

— Присмотрись получше, Антрагэ, взгляни-ка, Рибейрак, как они там разбились на парочки. Это просто трогательно! Их можно принять за Евриала с Нисом, Дамона с Пифием, Кастора с... Но постой, куда делся Поллукс?

— Поллукс женился, — ответил Антрагэ, — и наш Кастор остался без пары.

— Чем они там занимаются, по-вашему? — громко спросил Бюсси, дерзко разглядывая миньонов.

— Держу пари, — отозвался Рибейрак, — они изобретают новый крахмал для воротничков.

— Нет, господа, — улыбаясь, ответил Келюс, — мы стовариваемся отправиться на охоту.

— Шутить изволите, синьор Купидо, — сказал Бюсси, — для охоты нынче слишком холодно. У вас вся кожа потрескается.

— Не беспокойтесь, сударь, — в тон ему ответил Можирон, — у нас есть теплые перчатки, и камзолы наши подбиты мехом.

— А-а, вот это меня успокаивает, — заметил Бюсси. — Ну и когда же вы выезжаете?

— Может быть, даже нынче ночью, — сказал Шомберг.

— Никаких «может быть». Непременно нынче ночью, — поправил его Можирон.

— В таком случае я должен предупредить короля, — заявил Бюсси. — Что скажет его величество, если завтра на утреннем туалете все его любимцы будут сморкаться, чихать и кашлять?

— Не трудитесь понапрасну, сударь, — сказал Келюс, — его величеству известно, что мы собираемся охотиться.

— На жаворонков, не так ли? — насмешливо поинтересовался Бюсси, стараясь придать своему голосу как можно более презрительное звучание.

— Нет, сударь, — сказал Келюс, — не на жаворонков, а на кабана. Нам надо во что бы то ни стало раздобыть его голову.

— А зверь? — спросил д'Антрагэ.

— Уже поднят, — ответил Шомберг.

— Но ведь еще нужно знать, где он пройдет, — сказал Ливаро.

— Ну, мы попытаемся это разузнать, — успокоил его д'О. — Не желаете ли поохотиться вместе с нами, господин де Бюсси?

— Нет, по правде говоря, я занят. Завтра мне нужно быть у герцога Анжуйского на приеме графа де Монсоро, которому герцог, как вы, наверное, слышали, выхлопотал должность главного ловчего.

— Ну а нынче ночью? — спросил Келюс.

— Сожалею, но и нынче ночью не могу. У меня свидание в одном таинственном доме в Сент-Антуанском предместье.

— Ах вот как! — воскликнул д'Эпернон. — Неужели королева Марго инкогнито вернулась в Париж? Ведь, по слухам, господин де Бюсси, вы унаследовали де Ла Молю.

— Не стану отнекиваться, но с недавних пор я отказался от этого наследства, и на сей раз речь идет о совсем другой особе.

— И эта особа вас ждет в одной из улочек Сент-Антуанского предместья? — спросил д'О.

— Вот именно, и я даже хочу обратиться к вам за советом, господин де Келюс.

— Рад вам услужить. Хотя я и не принадлежу к судейскому сословию, но все же горжусь тем, что никому еще не давал дурных советов, в особенности друзьям.

— Говорят, что парижские улицы по ночам небезопасны, а Сент-Антуанское предместье весьма уединенная часть города. Какую дорогу вы посоветовали бы мне избрать?

— Черт побери! — сказал Келюс. — Луврскому перевозчику непременно придется ждать вас всю ночь до утра, поэтому на вашем месте, сударь, я воспользовался бы маленьким паромом в Прэ-о-Клерк и спустился бы вниз

по реке до угловой башни, затем я пошел бы по набережной до Гран-Шатле и дальше по улице Тиксерандери добрался бы до Сент-Антуанского предместья. Коли, дойдя до конца улицы Сент-Антуан, вам удастся без всяких происшествий миновать Турнельский дворец, вероятно, вы живым и невредимым постучитесь в дверь вашего таинственного дома.

— Благодарю за столь подробное описание дороги. Итак, вы сказали: паром в Прэ-о-Клерк, угловая башня, набережная до Гран-Шатле, затем улица Тиксерандери, затем улица Сент-Антуан. Будьте уверены — я не сверну с этого пути, — пообещал Бюсси.

И, поклонившись пятерым миньонам, он удалился, нарочито громко обратившись к Бальзаку д'Антрагэ:

— Решительно, с этим народом не о чем толковать, Антрагэ. Уйдем отсюда.

Ливаро и Рибейрак со смехом последовали за Бюсси и д'Антрагэ; удаляясь, вся компания несколько раз оборачивалась назад, словно обсуждая миньонов.

Миньоны сохраняли спокойствие — по-видимому, они решили ни на что не обращать внимания.

Когда Бюсси вошел в последнюю гостиную, где находилась госпожа де Сен-Люк, ни на минуту не терявшая из виду своего супруга, Сен-Люк многозначительно повел глазами в сторону удалявшегося фаворита герцога Анжуйского. Жанна с чисто женской проницательностью тут же все поняла: она догнала Бюсси и преградила ему путь.

— О господин де Бюсси, — сказала Жанна, — все кругом только и говорят, что о вашем последнем сонете. Уверяют, что он...

— Высмеивает короля? — спросил Бюсси.

— Нет, прославляет королеву. Ах, умоляю, прочтите его мне.

— Охотно, сударыня, — сказал Бюсси.

И, предложив новобрачной руку, он начал на ходу декламировать свой сонет.

Тем временем Сен-Люк незаметно подошел к миньонам, они слушали Келюса.

— По таким отметинам зверя легко выследить. Итак, решено: угол Турнельского дворца, около Сент-Антуанских ворот, напротив дворца Сен-Поль.

— И прихватить с собой лакея? — спросил д'Эпернон.

— Никоим образом, Ногарэ, никоим образом, — возразил Келюс, — мы пойдем одни, только мы одни будем знать нашу тайну, мы своими руками выполним свой долг. Я ненавижу Бюсси, но я счел бы себя опозоренным, если бы позволил палке лакея прикоснуться к нему. Бюсси дворянин с головы до ног.

— Выйдем вместе, все шестеро? — осведомился Можирон.

— Все пятеро, а не все шестеро, — подал голос Сен-Люк.

— Ах да, ведь ты женат. А мы-то все еще по старой памяти числим тебя холостяком! — воскликнул Шомберг.

— Сен-Люк прав, — вмешался д'О, — пусть он, бедняга, хоть на первую брачную ночь останется с женой.

— Вы ошибаетесь, господа, — сказал Сен-Люк. — Моя жена безусловно стоит того, чтобы я остался с ней, но не она меня удерживает, а король.

— Неужели король?

— Да, король. Его величество высказал желание, чтобы я проводил его до Лувра.

Молодые люди посмотрели на Сен-Люка с улыбкой, которую наш новобрачный тщетно пытался истолковать.

— Чего тебе еще надо? — сказал Келюс. — Король пылает к тебе столь необыкновенной дружбой, что прямо шагу без тебя ступить не может.

— К тому же мы вполне обойдемся и без Сен-Люка, — добавил Шомберг. — Оставим же нашего приятеля на попечение его короля и его супруги.

— Гм, но ведь мы идем на крупного зверя, — усомнился д'Эпернон.

— Ба! — беззаботно воскликнул Келюс. — Пусть только его выгонят на меня и дадут мне копье, а все остальное я беру на себя.

Тут они услышали голос Генриха: король звал Сен-Люка.

— Господа, — сказал новобрачный, — вы слышите, меня зовет король. Счастливой охоты, до встречи.

И Сен-Люк покинул общество своих друзей, но, вместо того чтобы поспешить к королю, он проскользнул мимо все еще стоящих шпалерами вдоль стен зрителей и отдыхающих танцоров и подошел к двери, за ручку которой уже взялся Бюсси, удерживаемый юной новобрачной, делавшей все, что было в ее силах, лишь бы не выпустить гостя.

— А! Доброй ночи, господин де Сен-Люк, — сказал Бюсси. — Но что случилось? Почему у вас такой возбужденный вид? Неужели и вы решили присоединиться к большой охоте, которую здесь собирают? Такое решение делает честь вашему мужеству, но не вашей галантности,

— Сударь, — ответил Сен-Люк, — у меня возбужденный вид, потому что я вас искал.

— В самом деле?

— И боялся, как бы вы не ушли. Милая Жанна, передайте вашему батюшке, пусть он попробует задержать короля. Мне нужно сказать господину де Бюсси два слова с глазу на глаз.

Жанна поторопилась выполнить поручение. Она ничего не понимала во всех этих неотложных делах, но покорно подчинялась воле своего мужа, так как чувствовала, что речь идет о чем-то очень важном.

— Ну так что вы хотите мне сказать, господин де Сен-Люк? — осведомился Бюсси.

— Я хотел вам сказать, сударь, что парижские улицы нынче опасны, и ежели у вас назначено свидание на сегодняшний вечер, то лучше будет перенести его на завтра, а ежели вы все-таки попадете в окрестности Бастилии, то избегайте Турнельского дворца: там есть один уголок, в котором могут спрятаться несколько человек. Вот и все, что я хотел вам сказать, господин де Бюсси. У меня и в мыслях нет, что человека, подобного вам, можно чем-то напугать, боже упаси, но подумайте хорошенько.

В эту минуту на весь зал раздался жалобный вопль Шико:

— Сен-Люк, мой маленький Сен-Люк! Что с тобой? Зачем ты прячешься? Ведь ты видишь, я жду тебя и без тебя не хочу возвращаться в Лувр.

— Я здесь, государь! — крикнул в ответ Сен-Люк, устремляясь на голос шута.

Рядом с Шико стоял Генрих III. Паж уже подавал ему тяжелый плащ на горностаевом меху, другой паж держал наготове длинные — до локтей — перчатки, а третий — бархатную маску на атласной подкладке.

— Государь, — обратился Сен-Люк одновременно к обоим Генрихам. — Я буду иметь честь сопровождать вас с факелом до носилок.

— Нет, — ответил король, — Шико едет в одну сторону, я — в другую. Эти бездельники, твои друзья, отправились куда-то провожать Масленицу и предоставили мне возвращаться в Лувр в одиночестве, я на них понадеялся, а они меня безбожно подвели. Теперь тебе ясно — ты не можешь допустить, чтобы я уехал отсюда один. Ты мужчина степенный и женатый, тебе и подобает доставить меня к королеве. Пошли, дружище, пошли! Эй! Коня господину Сен-Люку. Впрочем, нет, зачем тебе конь, мои носилки достаточно вместительны, в них найдется место для двоих.

Жанна де Бриссак не упустила ни звука из этого разговора. Она хотела заговорить, сказать Сен-Люку хотя бы одно слово, предупредить отца о том, что король увозит ее мужа, но Сен-Люк, приложив палец к губам, приказал ей молчать и держаться тише воды ниже травы.

«Черт возьми! — сказал про себя Сен-Люк. — Теперь, когда я уlestил Франсуа Анжуйского, не будем ссориться с Генрихом Валуа».

— Государь, — продолжал он уже во всеуслышание, — я готов. Я так предан вашему величеству, что по первому зову последую за вами хоть на край света.

Тут началась отчаянная суматоха, бесчисленные церемонные приседания и поклоны, и вдруг все разом прекратилось, наступила мертвая тишина — придворные хо-

тели услышать, что скажет король на прощание Жанне де Бриссак и ее отцу. Король распротился с молодой женщиной и маршалом в самых милостивых выражениях.

Потом кони храпели и били копытами во дворе, и в витражах плясали красноватые отблески факелов. Наконец все придворные французского королевства и все свадебные гости, кто смеялся, кто дрожа от холода, растворились в ночном тумане.

Оставшись со своими прислужницами, Жанна вошла в спальню и преклонила колени перед образом особенно чтимого ею святого. Потом она отослала служанок, распорядившись, чтобы к возвращению ее супруга для него был приготовлен легкий ужин, и осталась одна.

Маршал де Бриссак проявил еще большую заботу о своем зяте: он отрядил шесть копейщиков, наказав им дожидаться у дверей Лувра выхода Сен-Люка и сопровождать его домой. Но спустя два часа один из солдат вернулся и сообщил маршалу, что в Лувре закрыли все входы и начальник караула, запирая последнюю дверь, сказал:

— Не торчите здесь попусту, этой ночью больше никто не выйдет из Лувра. Его величество отошел ко сну, и все спят.

Маршал передал это известие своей дочери. Жанна объявила, что она очень тревожится, не сможет уснуть и намерена бодрствовать в ожидании мужа.

ГЛАВА II,

**из которой следует, что не всегда входит в дом тот,
кто открывает дверь**

В те времена Сент-Антуанские ворота представляли собой род каменного свода, напоминающего арку ворот Сен-Дени или Сен-Мартенских ворот в современном Париже. С левой стороны к ним вплотную подходили какие-то постройки, другим своим концом примыкавшие к Бастилии и как бы связывавшие Сент-Антуанские ворота со старой крепостью. Справа от ворот и до Бретонского дворца простирался обширный, мрачный и грязный

пустырь. Если в дневное время на нем еще можно было встретить прохожего, то с наступлением темноты всякое движение тут затихало, ибо в те времена улицы по ночам превращались в воровские притоны, а ночные дозоры были редкостью. Запоздалые пешеходы робко жались к стенам крепости, поближе к часовому на башне, который, правда, не был в состоянии прийти на выручку, но мог хотя бы позвать на помощь и своими криками отпугнуть грабителей.

Само собой разумеется, что в зимние ночи прохожие вели себя еще более осмотрительно, нежели в летние.

Ночь, ознаменованная событиями, о которых мы только что рассказали, а также другими происшествиями, о которых нам еще предстоит поведать читателю, выдалась на редкость темной и морозной, небо сплошь затянули черные низкие тучи, и спасительного часового за зубцами королевской твердыни невозможно было разглядеть, да и ему, в свою очередь, не стоило даже и пытаться различить на пустыре каких-нибудь прохожих.

Со стороны города перед Сент-Антуанскими воротами не стояло ни одного дома, там тянулись две высокие стены: справа — ограда церкви Святого Павла, а слева — стена, окружавшая Турнельский дворец. Эта последняя, подходя к улице Сен-Катрин, образовывала внутренний угол, тот «уголок», о котором Сен-Люк говорил Бюсси.

Дальше тесно жались друг к другу домишки, расположенные между улицей Жуи и широкой улицей Сент-Антуан, перед которой в те времена проходила улица Бийет и высилась церковь Святой Екатерины.

Ни один фонарь не освещал только что описанную нами часть старого Парижа. В те ночи, когда луна брала на себя освещение земли, здесь, на фоне звездного неба, четко выделялся огромный силуэт Бастилии, мрачной, величественной и неподвижной. В безлунные ночи на месте крепости виднелось лишь черное пятно густого мрака, сквозь которое там и сям пробивался бледный свет редких окон.

Описываемая нами ночь началась сильным морозом и должна была завершиться обильным снегопадом; в та-

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Перевод В. Столбова

ГЛАВА I. Свадьба Сен-Люка	5
ГЛАВА II, из которой следует, что не всегда входит в дом тот, кто открывает дверь	27
ГЛАВА III. О том, как иногда бывает трудно отличить сон от яви	42
ГЛАВА IV. О том, как бывшая девица де Бриссак, а ныне госпожа де Сен-Люк провела свою первую брачную ночь	50
ГЛАВА V. О том, что предприняла бывшая девица де Бриссак, ныне госпожа де Сен-Люк, дабы провести свою вторую брачную ночь не так, как она провела первую	60
ГЛАВА VI. О том, как совершался малый вечерний туалет короля Генриха III	70
ГЛАВА VII. О том, как король Генрих III на следующий день оказался обращенным, хотя причины обращения остались неизвестны	81
ГЛАВА VIII. О том, как король боялся страха, который он испытал, и как Шико боялся испытать страх	91
ГЛАВА IX. О том, как глас Божий обманулся и говорил с Шико, думая, что говорит с королем	100
ГЛАВА X. О том, как Бюсси отправился на поиски своего сна, все более и более убеждаясь, что этот сон был явью	108
ГЛАВА XI. О том, что за человек был главный ловчий Бриан де Монсоро	121
ГЛАВА XII. О том, как Бюсси нашел одновременно и портрет, и оригинал	141
ГЛАВА XIII. История Дианы де Меридор	149
ГЛАВА XIV. История Дианы де Меридор. — Договор	171
ГЛАВА XV. История Дианы де Меридор. — Согласие на брак	184

ГЛАВА XVI. История Дианы де Меридор. — Свадьба	194
ГЛАВА XVII. О том, как ехал на охоту король Генрих III и какое время требовалось ему на дорогу из Парижа в Фонтенбло	204
ГЛАВА XVIII, где читатель будет иметь удовольствие познакомиться с братом Горанфло, о котором уже дважды говорилось на протяжении нашей истории	221
ГЛАВА XIX. О том, как Шико заметил, что легче войти в аббатство Святой Женевьевы, чем выйти оттуда	238
ГЛАВА XX. О том, как Шико, оставшись в часовне аббатства, видел и слышал то, что для него было весьма опасно видеть и слышать	250
ГЛАВА XXI. О том, как Шико, думая прослушать курс истории, прослушал курс генеалогии	271
ГЛАВА XXII. О том, как супруги Сен-Люк путешествовали вместе и как по дороге к ним присоединился спутник	281
ГЛАВА XXIII. Осиротевший старец	295
ГЛАВА XXIV. О том, как Реми ле Одуэн в отсутствие Бюсси вел разведку дома на улице Сент-Антуан	305
ГЛАВА XXV. Отец и дочь	316
ГЛАВА XXVI. О том, как брат Горанфло проснулся и какой прием был оказан ему в монастыре	325
ГЛАВА XXVII. О том, как брат Горанфло убедился, что он сомнамбула, и как горько он оплакивал свою немощь	335
ГЛАВА XXVIII. О том, как брат Горанфло путешествовал на осле по имени Панург и как во время этого путешествия он постиг многое такое, чего раньше не ведал	347
ГЛАВА XXIX. О том, как брат Горанфло обменял своего осла на мула, а мула — на коня	356
ГЛАВА XXX. О том, как Шико и его товарищи обосновались в гостинице «Под знаком креста» и какой прием им оказал хозяин гостиницы	365
ГЛАВА XXXI. О том, как монах исповедовал адвоката и как адвокат исповедовал монаха	376
ГЛАВА XXXII. О том, как Шико, пробуравив одну дырку штопором, проткнул другую шпагой	389
ГЛАВА XXXIII. О том, как герцог Анжуйский узнал, что Диана де Меридор жива	399
ГЛАВА XXXIV. О том, как Шико вернулся в Лувр и как его принял король Генрих III	409

ГЛАВА XXXV. О том, что произошло между герцогом Анжуйским и главным ловчим	420
ГЛАВА XXXVI. О том, как проходил Большой королевский совет	430
ГЛАВА XXXVII. О том, что делал в Лувре герцог де Гиз	440
ГЛАВА XXXVIII. Кастор и Поллукс	448
ГЛАВА XXXIX, в которой доказывается, что подслушивание — самый надежный путь к пониманию	459
ГЛАВА XL. Вечер Лиги	469

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Перевод Н. Бутыриной

ГЛАВА I. Улица Феронри	480
ГЛАВА II. Принц и друг	490
ГЛАВА III. Этимология улицы Жюсьен	499
ГЛАВА IV. О том, как д'Эпернону разорвали камзол, и о том, как Шомберга покрасили в синий цвет	509
ГЛАВА V. Шико все больше и больше становится королем Франции	517
ГЛАВА VI. О том, как Шико нанес визит Бюсси и что из этого впоследствии	526
ГЛАВА VII. Шахматы Шико, бильбоке Келюса и сарбакан Шомберга	536
ГЛАВА VIII. О том, как король назначил главу Лиги и как получилось, что это не был ни его высочество герцог Анжуйский, ни монсеньор герцог де Гиз	545
ГЛАВА IX. О том, как король назначил главу Лиги, который не оказался ни его высочеством герцогом Анжуйским, ни монсеньором герцогом де Гизом	553
ГЛАВА X. Этеокл и Полиник	561
ГЛАВА XI. О том, как не всегда теряешь даром время, копаясь в пустых шкафах	570
ГЛАВА XII. Святая пятница!	578
ГЛАВА XIII. Подруги	585
ГЛАВА XIV. Влюбленные	591
ГЛАВА XV. О том, как Бюсси предлагали сто пистолей за его коня, а он отдал его даром	600
ГЛАВА XVI. Дипломатия герцога Анжуйского	607
ГЛАВА XVII. Дипломатия господина де Сен-Люка	614

ГЛАВА XVIII. Дипломатия господина де Бюсси	622
ГЛАВА XIX. Выводок анжуйцев	630
ГЛАВА XX. Роланд	637
ГЛАВА XXI. Что должен был сообщить принцу граф де Монсоро	645
ГЛАВА XXII. О том, как король Генрих III узнал о бегстве своего возлюбленного брата герцога Анжуйского и что из этого воспоследовало	653
ГЛАВА XXIII. О том, как, обнаружив, что Шико одного мнения с королевой-матерью, король присоединился к мнению королевы-матери и Шико	663
ГЛАВА XXIV, где доказывается, что благодарность была одной из добродетелей господина де Сен-Люка	671
ГЛАВА XXV. План господина де Сен-Люка	680
ГЛАВА XXVI. О том, как господин де Сен-Люк показал господину де Монсоро удар, которому его научил король	688
ГЛАВА XXVII, где мы присутствуем при далеко не торжественном въезде королевы-матери в добрый город Анжер	694
ГЛАВА XXVIII. Малые причины и большие следствия	701
ГЛАВА XXIX. О том, как граф де Монсоро открыл, закрыл и снова открыл глаза и как это явилось доказательством того, что он еще не окончательно мертв	709
ГЛАВА XXX. О том, как герцог Анжуйский отправился в Меридорский замок, дабы выразить графине де Монсоро свои соболезнования по поводу кончины ее супруга, и о том, как этот последний вышел ему навстречу	716
ГЛАВА XXXI. О неудобстве чрезмерно широких носилок и чрезмерно узких дверей	724
ГЛАВА XXXII. О том, в каком расположении духа находился король Генрих III, когда господин де Сен-Люк появился при дворе	731
ГЛАВА XXXIII, где речь идет о двух важных героях этой истории, которых читатель с некоторыми пор потерял из виду	739
ГЛАВА XXXIV. О том, как три главных героя этой истории совершили путешествие из Меридора в Париж	746
ГЛАВА XXXV. О том, как посол герцога Анжуйского прибыл в Париж, и о приеме, который ему там оказали	754
ГЛАВА XXXVI, которая является всего лишь продолжением предыдущей, сокращенной автором по случаю новогодних праздников	759

ГЛАВА XXXVII. О том, как Сен-Люк выполнил поручение, которое дал ему Бюсси	768
ГЛАВА XXXVIII. О том, в какой области господин де Сен-Люк был просвещеннее господина де Бюсси, какие уроки он ему преподавал и как использовал эти уроки возлюбленный прекрасной Дианы	777
ГЛАВА XXXIX. Предосторожности господина де Монсоро ...	782
ГЛАВА XL. Визит в домик возле Турнельского замка	790
ГЛАВА XLI. Соглядатаи	797
ГЛАВА XLII. О том, как герцог Анжуйский поставил свою подпись, и о том, что он сказал после этого	805
ГЛАВА XLIII. Прогулка к Бастилии	816
ГЛАВА XLIV, в которой Шико засыпает	822
ГЛАВА XLV, в которой Шико просыпается	827
ГЛАВА XLVI. Праздник Святых Даров	835
ГЛАВА XLVII, которая добавит ясности главе предыдущей ...	842
ГЛАВА XLVIII. Шествие	853
ГЛАВА XLIX. Шико Первый	859
ГЛАВА L. Проценты и капитал	865
ГЛАВА LI. О том, что происходило вблизи Бастилии в то время, как Шико платил свои долги в аббатстве Святой Женевьевы	872
ГЛАВА LII. Убийство	879
ГЛАВА LIII. О том, как брат Горанфло оказался более чем когда-либо между виселицей и аббатством	895
ГЛАВА LIV, в которой Шико догадывается, почему у д'Эпернона на сапогах была кровь, а в лице не было ни кровинки	902
ГЛАВА LV. Утро битвы	910
ГЛАВА LVI. Друзья Бюсси	916
ГЛАВА LVII. Поединок	925
ГЛАВА LVIII. Заключение	932
ПРИМЕЧАНИЯ. <i>А. Столяров</i>	940